

A lighthouse stands on a rocky island at night. The sky is dark and filled with stars, with some light trails from meteors or satellites. The lighthouse is illuminated from within, casting a warm glow. The ground is rocky and uneven.

Татьяна Левченко

Маяк
с
Драконом

фант-реал

Татьяна Левченко
Маяк с Драконом. Фант-реал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22969257

ISBN 9785448375231

Аннотация

Пусть истины... Путь восхождения... В лёгкой фэнтезийной оболочке произведения крымской писательницы Татьяны Левченко думающий читатель увидит глубокий смысл...

Содержание

Дивония	5
Зачем спасать чужие миры	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Маяк с Драконом

Фант-реал

Татьяна Владимировна Левченко

В новой книге керченского автора Татьяны Левченко, включающей несколько произведений, причудливо переплетаются характерный для неё жанр «фант-реал» и жанр фэнтези. Культовый персонаж этого жанра – Дракон – наделён яркими, выпуклыми чертами человеческого характера. Надеемся, что книга привлечёт внимание не только любителей фантастики, но и вообще людей, желающих почитать что-либо на нормальном русском языке.

© Татьяна Владимировна Левченко, 2017

ISBN 978-5-4483-7523-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дивония

грустная сказка о сбывшемся чуде

Детям моим — Ивану

и

Мариш —

с любовью

Когда-то все люди были добрыми и счастливыми. Они жили свободно в небольших селениях, умели радоваться звёздам, песням и видеть красоту окружающей природы. Люди жили в согласии с природой, беря у неё лишь самое необходимое.

И – верили в чудо.

Одно такое селение стояло на побережье большого синего моря. Жители любили свой край, оберегали каждое дерево, ухаживали за дикими лесными зверьями, которые, заболев, безбоязненно приходили, просили помощи.

Мужчины занимались рыбной ловлей, добывали со дна морского красивые раковины, делали из них чудесные ожерелья, которые дарили своим сёстрам, невестам, жёнам. Женщины вели хозяйство и воспитывали детей. Все жили мирно и дружно, всем хватало места и пищи.

Неподалёку от селения находилась маленькая, сказоч-

ной красоты, бухта. Золотой песок, окаймлённый рощицей стройных высоких деревьев, омывали ласковые изумрудно-синие волны. Вода в бухте была чистая, прозрачная. Даже с берега можно было увидеть далеко вглубь, как сверкает на дне такой же золотой песок, а на нём рассыпано множество самых прекрасных раковин, какие только есть на белом свете. Изумительных окрасок водоросли поднимались, то колыхаясь длинными лентами, то кустясь, или стелясь маленькими подводными лужайками.

На берегу, в роще, среди деревьев росли высокие шелковистые травы, среди которых всегда виднелись россыпи множества чудесных цветов с завораживающим ароматом.

Посреди пляжа лежал, почти полностью скрытый песком, большой гладкий валун, серый, с розовыми и золотисто-жёлтыми прожилками, сплетающимися в сложный загадочный узор.

Вся эта местность – и бухта, и серп золотого песка, и рошица, – была настолько прекрасна и очаровательна, что люди из селения старались ничем не нарушить её естественной красоты. Не заплывали в чистые прозрачные воды на рыбачьих лодках, не собирали со дна чудесные раковины для ожерелий, не рвали цветов в рошице и не трогали её высоких стройных деревьев. А валун посреди пляжа считался священным креслом Дивонии, и на нём никто, кроме неё, не смел присаживаться.

Дивония, считали люди, была Хранительницей этого заповедного уголка. Появлялась она редко. Никто никогда не видел, откуда она приходила, но, когда замечали из селения её, сидящей на своём кресле-валуне, начинался всеобщий праздник. Все жители селения, нарядившись в лучшие свои наряды, приходили тогда в рощу, на пляж бухты поприветствовать Хранительницу, научиться у неё простому и безыскусному – понимать природу, видеть её красоту, жить с нею в согласии.

Дивония не была неземной красавицей. Как многие и многие женщины, она была красива обычной, простой и непритязательной красотой. Чистое, будто чуть тронутое загаром, лицо её излучало мир и спокойствие. Большие, цвета морской воды, глаза её светились добротой и всепониманием. Длинное, до пят, платье без всяких украшений, было цвета золотого песка пляжа. А тёмные косы, переплетённые зелёными лентами и яркими душистыми цветами, были уложены на голове не то короной, не то венком.

Женщины приносили Дивонии охапки цветов, собранных на лужайках и в ближайшем лесу, складывали к ногам Хранительницы на золотом песке. Дивония начинала плести венки и все девушки, усевшись вокруг, учились у неё искусству подбирать особые сочетания цветов, которые порознь, вроде, ничего не значили, а сплетённые вместе, в особый узор, обладали магическим свойством дарить покой, любовь, здоровье.

Когда венки были готовы, подходили юноши, неся в руках корзинки с самыми разными раковинами. И Дивония учила их подбирать сочетания разных по форме, узору и окраске – связанные в ожерелья, они обладали теми же свойствами, что и сплетённые венки.

Затем юноши и девушки обменивались своими изделиями: девушки надевали на головы возлюбленных венки, а те дарили им свои ожерелья. Так свершался обряд бракосочетания. Начинался всеобщий праздник.

Дивония начинала петь и сотни птиц слетались сопровождать её пение своими звонкими голосами. Они рассаживались на ветвях деревьев рощи, словно яркие цветы, украшали их. Дети заводили хоровод, обучаясь песне Дивонии, простые слова которой звучали всё теми же миром, покоем и счастьем. Постепенно к танцам подключались молодые люди, за ними – те, что постарше. И только дряхлые старики и немощные собирались вокруг Дивонии, чтобы побыть рядом с ней, возможно, в последний раз, научиться у неё смиренному согласию с завершением пути своего по жизни.

Приходила ночь с яркими крупными звёздами, с полной луной, или с тонким месяцем. Никто не разводил костров, чтобы не затмевать их пламенем красоты волшебной прекрасной ночи.

Затихали песни, уставшие от плясок, люди рассаживались на песке вокруг валуна: поближе – старики и дети, потом наоборотные и ещё не вступившая в эту пору молодёжь, замы-

кали круг люди среднего возраста.

Дивония расплетала свои косы, даря зелёные ленты и неувядающие цветы, украшавшие их, старикам и детям. Затем она поднималась, всходила на камень и долго так стояла, простирая руки над сидящими вокруг. Яркие звёзды лили свой свет на поднятое лицо Хранительницы, словно осыпались с небес на её распущенные шёлковые волосы, струились, стекали по ним, по рукам её нескончаемым потоком. Дивония медленно кружилась на одном месте, напевая песню, в которой слышался хрустальный шорох осыпающихся звёзд. И звёзды срывались с её рук, с её взлетающих в кружении волос, с длинного золотистого платья, разлетались в подставленные ладони, проникали в самые сердца доверчиво принимающих чудо людей. Они, получив бесценный дар, тихо поднимались и расходились, унося в сердцах и душах этот тихий нежный свет звёзд волшебной ночи. Сохраняли в памяти уроки доброты, гармонии и мира, которые так просто, так непритязательно давала им Хранительница дивного очаровательного края – Дивония.

Венки, сплетённые Дивонией, не увядали долгие месяцы, а ожерелья из раковин, нанизанные ею, не обрывались, не теряли своего волшебного сочетания форм и окраски, символов и узоров, были талисманами, хранителями мира и спокойствия в семьях.

Пока люди отдыхали после праздника, Дивония уходила. Никто никогда не видел, куда она уходит. Но все знали: прой-

дёт время, и она появится вновь. И вновь подарит простое тихое чудо единения с природой, чудо понимания красоты и гармонии, чудо умения жить в мире и согласии. И если случилось такое, что из-за пустяка вдруг поссорятся двое, люди говорили им: «Постыдитесь! Придёт Дивония – как вы в глаза ей посмотрите?! Как сумеете, осквернённые злобными помыслами, принять дары её?!»

Так, в мире и покое, шли годы, текли десятилетия...

И вдруг однажды появились в очаровательной бухте большие чужие корабли, замутили чистую прозрачную воду её. Взрыли золотой песок пляжа приставшие к берегу шлюпки, растоптали чудесные цветы и шёлковые травы в роще грубые сапоги прибывших на лодках чужеземцев. Застучали топоры, завизжали пилы и саму рощу уничтожили, срубив её высокие стройные деревья, чтобы соорудить из них мрачный, с толстыми стенами и крохотными оконцами-бойницами дом, окружённый глухим забором-частоколом, с прочными воротами, которые открыть могли лишь несколько человек, навалившись дружно.

Ворвались чужеземцы в селение к мирным, не ожидающим зла, людям, разграбили их дома, растоптали, хранимые как святыню, венки Дивонии, смеясь, разрывали ожерелья-талисманы, рассыпая в беспорядке тщательно подобранные сочетания раковин...

И поработили чужеземцы мирных жителей, заставили их

работать на себя, спин не разгибая, глаз к небу звёздному не поднимая. Только звёзды в душах и сердцах людей, подаренные Дивонией, и светили им, давали надежду... И шептали люди: «Вот придёт Дивония...» Чужеземцы смеялись грубо: «А что она сделает, ваша Дивония?!»

Никто не знал, что она сделает, но все верили, что обязательно поможет им Хранительница.

И вот настал срок, и Дивония пришла...

Жители порабощённого селения шли, подгоняемые палками завоевателей, на свою тяжкую, непосильную работу. И вдруг кто-то увидел: сидит, как обычно, на своём кресле-валуне, всё так же просто-прекрасная, всё такая же мирно-спокойная... «Дивония! – понеслось от одного к другому. – Дивония пришла!»

А Дивония сидела, смотрела на изуродованный берег, на уничтоженную рощу, где между пней вся трава была вытоптана и ни один цветок не пробивался. Смотрела она на замутившую большими кораблями воду бухты, на идущих покорно, под палками, людей... Смотрела и... ничего не делала!

«Как же так?! – растерялись люди, с такой надеждой ожидавшие её прихода. – Разве не видит она, в каком тяжком положении мы оказались?! Ведь она Хранительница мира, добра, любви и счастья... Как может она так спокойно сидеть, смотреть и... ничего не делать, чтобы помочь нам из-

бавиться от чужеземцев, от их непосильного, грубого, злого гнёта?» Они хотели пойти к Дивонии и высказать ей свою боль, своё недоумение. Но зло смеялись надсмотрщики, жестоко избивая палками каждого, кто смел поднять голову от работы, кто пытался вслух высказать своё возмущение.

А Дивония по-прежнему сидела на своём кресле-валуне, всё так же смотрела на ужасно преображённый мир, на покорно склоняющихся под ударами палок жителей селения. Глубокая боль и скорбь были в её больших, цвета морской волны, глазах. Но, всё так же, она ничего не делала!

Предводителю чужеземцев доложили, что появилась на берегу, неведь откуда пришедшая, женщина, которую местные жители называют Дивонией и ждут от неё помощи. «Приведите её ко мне!» – повелел предводитель, и двое вооружённых до зубов чужеземцев отправились исполнять приказ. Они пришли на пляж и грубо обратились к Дивонии: «Наш предводитель повелел тебе немедленно явиться к нему!» Она подняла глаза и тихо ответила: «Люди сами приходят ко мне...» Хотели чужеземцы схватить Дивонию, чтобы силой доставить её к предводителю, но не сумели подойти к ней ближе, чем на пять шагов: неведомая сила, словно незримый барьер, вставала перед ними, не подпуская к Хранительнице. И раз, и другой, и третий пытались чужеземцы подойти к Дивонии, но ничего у них не получилось. И ни с чем, вернулись они к предводителю, доложили о происшедшем. «Так убейте её!» – разозлился пред-

водитель, и вновь вернулись посланцы на берег, подняли своё оружие, чтобы убить Дивонию. Она смотрела на них всё с той же болью и скорбью, но ни тени страха, смятения не легло на её чистое лицо. Лишь затаились в уголках нежных губ две горестные складочки. Выстрелили чужеземцы в Хранительницу из луков, но не долетели их стрелы пяти шагов до Дивонии, потеряли силу, словно наткнувшись на преграду, зарылись в золотой песок. Тогда выстрелили они тяжёлыми железными стрелами из арбалетов. Но и эти стрелы уткнулись в песок рядом с лёгкими лучными. Увидел это предводитель чужеземцев в узкое оконце-бойницу, подумал: видно, Дивония эта – местное божество, а к божеству, пусть и иноземному, следует относиться с почтением, хоть и не поклоняешься ему. Смирил он свою гордыню, вышел из мрачного дома за высокий частокол, на истоптанный грубыми сапогами золотой песок. Остановил лучников повелительным жестом и обратился к Дивонии с такими словами:

– Что ж, если ты – богиня, а я – простой смертный, я пришёл к тебе сам. Но скажи мне, что ты здесь делаешь?

– Жду, – тихо ответила Дивония.

– Чего ты ждёшь?

– Когда придут ко мне учиться добру и миру, любви и согласию...

Засмеялся предводитель чужеземцев:

– Век тебе ждать, не дожидаться! Нет места добру и миру там, где правит сильнейший. Не нужно сильнейшему чьё-то

согласие, а любви он добьётся сам. Те же, кто слаб – и не достойны всего этого. Посмотри на этих людей, которые покорно трудятся, подгоняемые моими надсмотрщиками: они ждали твоего прихода, но никто не посмеет подойти к тебе! Значит, им и не нужно твоё учение.

Сказав это, предводитель повернулся и ушёл. А Дивония осталась сидеть. Она сидела и... ждала...

А жители селения, поняв, что ничем им Дивония не поможет, трудились тяжким непосильным трудом, уже не оглядываясь с надеждой на берег. И с потом солёным, со слезами горькими, словно вымывался из душ их, из сердец тот нежный и спокойный свет звёзд, что дарила им Дивония. И не жалели они об этой потере, считая, что раз она предала их, – не нужны им дары её, зовущие к смирению, согласию, к миру и любви. И когда в сумерках возвращались они с работы, без удивления смотрели на опустевший валун, не сожалели об ушедшей неведомо куда Хранительнице.

Дивония ушла, так ничего и не сделав. А что она могла сделать? Ведь добро и правда, в отличие от зла и лжи, – беззащитны, безоружны. Это зло и ложь сами приходят к людям, порабащают их, угнетают. К добру же и правде человек должен прийти самостоятельно. Не могла Дивония научить людей непокорству, не могла научить их сопротивляться злу. Потому и ушла, так ничего и не сделав.

И опять шли годы, текли десятилетия, проносились века. Изменялась жизнь, в которой правил сильнейший. Исчезало с лица земли и вновь возрождалось селение на берегу большого синего моря. Сменялись поколение за поколением. Давно научились люди бороться со злом, отвоёвывать свою свободу и независимость. Научились жить в относительном мире и согласии, удерживаемые от раздоров не стремлением к добру, а страхом взаимного уничтожения. Они привыкли правдами и неправдами добиваться благополучия, узнали, что только трудами неустанными можно его сохранять и удерживать. Потому не любили они, если что-то мешало их трудам, что-то отвлекало от бесконечного стремления стать сильнейшим в этом мире.

Наверное, поэтому и не любили жители небольшого селения на берегу синего моря маленькую бухточку неподалёку. Где, через многие столетия, вновь выросла рощица, окаймляющая золотистый песок пляжа с валуном, вода бухты была чистая и прозрачная, и далеко вглубь видно было дно – усеянное обломками затонувших кораблей, погибших в сражениях, старинными пушками, якорями... Среди всего этого буйно разрастались тёмные водоросли, по золотистому песку ползали хищные моллюски, уничтожая тех, что помельче, вместе с их красивыми раковинами. В роще, между деревьями, как и прежде, разрослась трава, но не шелковистая, а грубая и колючая, множество кустарников с ядовитыми ягодами переплелось ветвями в непроходимую ча-

щу. И был этот дикий, запущенный уголок так первобытно-прекрасен и очарователен, что опасно было находиться здесь подолгу: дурмящие запахи ядовитых растений завораживали, заставляли забыть об опасности. Как могли эту дикость, эту опасную ядовитость люди считать прекрасной и очаровательной?! Очень просто: ведь уже многие века никто не учил их истинной красоте, настоящему очарованию. Ещё более странным было то, что по-прежнему бухту эту связывали с именем Дивонии, уже давно забыв, кто она такая. Только смутное предание осталось страшилкой для детей: «Вот придёт Дивония!..»

– Мама, – сказал маленький мальчик, беря ласты и ружьё для подводной охоты, – я хочу поохотиться на ярких рыбёшек в той бухте...

– А я, – добавила его сестрёнка, – хочу собрать там на берегу больших раковин, чтобы украсить ими клумбу.

– Не ходите в бухту, – покачала головой мать. – Там опасно: ядовитые запахи одурманивают, у ярких рыбёшек – ядовитые шипы. И, не дай Бог, придёт Дивония...

– А что она сделает?! – засмеялся мальчик.

– Тогда увидишь... – неопределённо ответила мама и занялась своими бесконечными домашними делами.

Брат с сестрой не послушались и пошли-таки в бухту. Чтобы не продираться сквозь колючие ядовитые заросли, они

взяли маленькую лодку и отправились туда вплавь.

– И кто такая эта Дивония, которой все нас пугают? – задумчиво спросила девочка.

– Не знаю, – ответил её брат. – Да и никто не знает. Наверное, это какая-нибудь злая волшебница, раз она может приходить в такую страшно-очаровательную бухту.

– А всё-таки, я хотела бы её увидеть, – замирающим от страха голосом произнесла девочка. – Так, одним глазочком. А потом – удрать!

– Вот накаркаешь! – добавил страху брат, налегая на лёгкие вёсла. – Придёт Дивония!..

– А что она сделает?

– Тогда увидишь... – важно повторил мальчик слова мамы.

– Да нет, – засмеялась сестрёнка, – Дивония – это сказка. Её придумали.

– Ты ещё не знаешь, – возразил мальчик, направляя лодку к берегу. – Иногда чудо сбывается. Если очень хочешь...

Он сидел на вёслах спиной к берегу, сестра же вдруг замолчала, испуганно прижав обе ладошки ко рту. Её расширившиеся глаза с любопытством и ужасом смотрели куда-то за его плечо.

– Что там?! – встревоженно оглянулся мальчик и облегчённо перевёл дух: ничего страшного на берегу не было. Просто на валуне, выглядывающем из песка, сидела какая-то женщина. – Чего ты испугалась? – обернулся он к сестрёнке.

– Она... она... – прошептала та сбивчиво, – она... появилась!

– Ну и что? – не понял мальчик и, выпрыгнув из лодки, протянул руку. – Пошли, спросим, может, ей надо помочь уйти отсюда на лодке: через заросли ведь не пройдёшь...

– Нет, ты не понял! – упрямылась сестра – Она появилась в один миг! Только что не было и вдруг – сидит...

– Выдумываешь! – мальчик внимательно посмотрел на женщину, встретился взглядом с её печальными глазами цвета морской волны. В уголках рта её залегли глубокие горестные складки, издали казалось – она печально улыбается. – Обыкновенная тётя... – пожал он плечами. – Тебе просто показалось...

Он взял сестру за руку, и они вместе подошли к незнакомке в длинном золотистом платье. Тёмные косы её, переплетённые зелёными лентами и украшенные яркими цветами, лежали на голове не то короной, не то венком.

– Вам нужна помощь? – спросил мальчик. Что вы здесь делаете?

Женщина посмотрела вокруг грустными глазами, остановила взгляд на детях.

– Жду, – тихо ответила она.

– Чего вы ждёте? – не понял мальчик.

– Когда придут ко мне, учиться добру и согласию, миру и любви...

– А зачем этому учиться? – спросила девочка. – И так все

знают: добро беспомощно против зла, согласия можно добиться силой, мира – страхом, а любовь... – она хихикнула, – её по сто раз на день по телевизору показывают!

– Я учу не такой любви, не такому миру и согласию, и не такое добро несу я людям, – объяснила Дивония (а это, конечно, была она). – Я учу тому, что даёт сама природа. Тому добру и миру, что сильны самим своим существованием, не нуждаются в страхе и завоевании. Тому согласию, что поселяется в самой душе вашей. Той любви, что горит в сердцах ваших, согреваемая нежным спокойным светом звёзд.

– Свет звёзд далёкий и холодный, – возразил мальчик. – Он не может согревать. Греет огонь в печи, светят в ночи электрические лампы. И звёзды за этим светом совсем не видны – так далеки они и так слаб их свет.

– Принеси мне цветы, – обратилась Дивония к девочке. – Принеси мне раковин, – попросила она мальчика. – Я научу вас плести венки и нанизывать ожерелья с таким сочетанием цвета, форм и узора, что они будут дарить вам и вашим семьям покой и счастье, радость и любовь. Они будут талисманами в вашем доме...

– Здесь нет цветов, – огляделась девочка. – Ближайшие растут у нас на клумбе, но из них венка не сплетёшь: это садовые цветы с хрупкими или жёсткими стеблями.

– И раковины здешние – крупные, для ожерелий не годятся, – подтвердил мальчик, показывая поднятую с песка большую, обросшую водорослями и губками раковину мол-

люска-хищника.

– Тогда я научу вас песне, приносящей в ваши души покой и радость, – грустно улыбнулась Дивония. – Птицы помогут мне...

– Здесь нет певчих птиц! – возразили дети. – Только крикливые чайки, да каркающие вороны...

– Может быть, подождём ночи, и я подарю вам свет звёзд? – растерянно предложила Дивония. – Он войдёт в ваши души, в ваши сердца и будет дарить им покой и счастье...

– Вот ещё! – замотали они головами. – Мама с ума сойдёт, если мы не вернёмся до вечера. К тому же, ночью цветы этих кустарников, – кивнули они в сторону рощи – издают сильный ядовитый аромат. Можно уснуть и никогда не проснуться...

Грустно поникла голова Дивонии. Долго молча сидела она. Потом начала медленно расплетать свои косы, снимая с них зелёные ленты и неувядающие цветы:

– Возьмите это... – протянула она скромные дары.

– А зачем они нам? – взяла девочка в руки цветы, но они тут же начали увядать, осыпая лепестки.

А ленты в руках мальчика превратились в длинные зелёные водоросли, быстро высыхающие и рассыпающиеся на солнце в пыль.

– И это – всё чудо?! – саркастически засмеялись дети и пошли прочь от поникшей Дивонии, к своей лодке.

И только когда отплыли от берега, оба оглянулись, но ни-

кого не увидели на опустевшем берегу. Лишь на валуне чуть пошевеливались под слабым ветерком увядшие лепестки цветов.

– Она исчезла! – с испуганным восторгом воскликнула девочка.

– Ушла – и ушла, – спокойно согласился брат и покрутил головой: – Тоже мне – чудо!

Дивония ушла, так ничего и не сделав. А что она могла сделать в мире, в котором люди разучились верить в чудо? Что она могла сделать в мире, где люди разучились видеть звёзды?

Что делать Дивонии в мире, где прекрасным и очаровательным считается дикий, заросший ядовитыми растениями, населённый хищными животными и лишённый певчих птиц уголок?

– Странная какая-то! – рассказывали дети маме. – Пришла и сидит, ждёт! Все миссионеры, все апостолы всегда шли к людям и учили их. А она...

Но, наверное, они всё-таки не правы. Веру нужно нести к людям. Но к добру, к любви, миру и согласию люди должны прийти сами.

Зачем спасать чужие миры фант-реал

Прожить на пенсию инвалида, даже на две пенсии двух инвалидов в постсоветской «незалежной» державе – понятие из разряда фантастики.

И я делаю сувениры. В последнее время большой популярностью пользуются всевозможные парусники, вот я и делаю парусники. Делаю и делаю. Делаю и делаю... делаю и де...

После определённого количества готовых экземпляров я, сначала тихо, потом всё громче, всё выразительнее, начинаю их ненавидеть. Когда мне хочется сгрести их все в кучу и выбросить за окно, – я объявляю перерыв и убегаю с кухни от греха подальше.

Так и в этот день, я недаром отметила его: 28 июля 2004 года. Два часа дня. Жара. Крыса Ёлка тупо озирает из-за стекла аквариума пятнадцать ракушечных конструкций. Котёнок Мишка демонстративно разваливается на спине прямо под силиконовым пистолетом, который я ещё держу навесу, размышляя: вышвырнуть его, горячий, истекающий расплавленным силиконом, за бесполезно распахнутое на обе створки кухонное окно, или же таки мирно выключить и, осторожно отложив в сторону, покинуть поле конфликта.

Мишка решил этот вопрос однозначно: ухватив лапами шнур, он отнимает пистолет у меня, я инстинктивно выдёргиваю шнур из розетки... Конфликт улажен. Я удаляюсь в комнату.

В комнате Лёшка висит на телефоне. Я бреду к нему, конечно же, спотыкаясь о прислонённые к креслу трости. Я всегда о них спотыкаюсь. Я всё время о них забываю. Забываю о коляске, о рычаги которой постоянно стучаюсь, проходя мимо. Я забываю, что Лёшка инвалид.

Он мой муж. Он индивид. Он интеллектуал и опора семьи. При чём же здесь какие-то трости и коляска?!

– Машка звонила из Героевки. Вернётся...

...Больше всего это похоже на состояние глубокого опьянения. Нет, ну что здесь странного, если я знакома с подобным состоянием?! Вы не знакомы? Ой, да ну вас! Может, вы испытывали что-то другое, но у меня это так. Едва касаешься головой подушки, и...

Вот, только что нормально, совершенно свободно несла о чём-то оочень разумную околесицу, а тут, – причём ведь в абсолютном сознании, ещё даже фиксируя это как бы со стороны! – в одно мгновение, начинаешь падать в глубокую-преглубокую пропасть (?) бездну (?) ... Тьму, короче говоря. Падаешь и размышляешь: вот, говорят, при смерти в подобную бездну-тьму возносишься. А тут – падаешь. И какое-то подобие стен у этого «колодца» имеется: уно-

сятся ввысь и мимо, не забывая при этом вращаться каждое – вокруг собственной оси, группами – вокруг некой общей оси, все вместе – спирально по «стенкам», и – мерцают, и – меняют спектральность, и – Бог знает, что ещё сотворяют, – сотни, тысячи, мириады радужных, цветных, ярких и сумрачных пятен.

У этой пропасти-тьмы оказывается, если не дно, то ощущение натяжения строп. Падение прекращается именно таким упругим толчком.

И тогда начинается вращение. Сперва, как и полагается, – влево, потом, слегка притормозив, – вправо, опять влево, вновь вправо...

Короче, весьма похоже на кручение на верёвочных качелях – обожала в детстве! – вращение постепенно сходит на нет, амплитуда уменьшается, одновременно утихомиривается метушня пятен. Они – кто улетел восвояси, кто отстал ещё во время полёта, остальные постепенно угасают, цветность уходит в синий спектр, сгущается до тёмно-фиолетового, и на короткое мгновение полной остановки верчения наступает абсолютная тьма.

Во время обычного опьянения в этот миг наступает сон. И длится во тьме до появления первых сновидений, когда уже приходят нормальные краски, звуки, запахи, короче, обычные сновидения.

Теперь же, замерев в этом тьмы-состоянии, я обнаружи-

ваю, что сон не наступает. Поскольку тверди у меня под ногами не имеется, топтаться растерянно на месте я не могу, потому тупо сучу ногами в пустоте, понимая – абсолютно отчётливо и ясно! – насколько нелепо и глупейше выгляжу со стороны. Я смущённо фыркаю и неожиданно обретаю-таки какую-то твердь под ногами.

...Весьма даже неровную твердь. Ибо при осторожном прощупывании босой ступнёй – мелкие и покрупнее камешки (однако не гравий, совсем не гравий...) покрывают не россыпью, а скорее осыпью довольно твёрдую основу тропы – не тропы, дороги – не дороги... а поскольку спустя миг появилось отчётливое ощущение пространства замкнутого – остановимся на определении «пол», в смысле, «на полу». На основательно холодном, но сухом: пыль так же ощущалась, учитывая, из какого пекла дня я сюда провалилась, – почти блаженной прохладой проникая меж пальцев стопы. Мельком отметила, что не теряю памяти и ориентации.

Тем временем тьма крошечная изначальная начала медленно сереть, отступая к дальним закоулкам открывающегося видимого пространства. А поскольку это «открывающееся видимое пространство» было по-прежнему замкнутым, такое поведение тьмы, казалось, должно насторожить. Но насторожило другое. Увиденное окружение для меня явно ассоциировалось с каменоломнями. Да, да, именно с ними, с легендарными... Но они мне и присниться никак не могли: я за всю жизнь так и не отважилась спуститься сюда. Тем

не менее и на виденное в кино – хоть в художественном, хоть в документальном – похоже это не было. Ни копоти, ни затхлости... Одна только странная уверенность, что место именно то...

Я снова огляделась, отметив, что свет, взявшись ниоткуда, медленно, но уверенно набирает силу, уже не просто сумрак, а скорее серенький отсвет царит вокруг, и в этом слабом освещении я сумела разглядеть и подобрать слетевшие в моём полёте-верчении шлёпки, отметив и то, чего никак не ожидала: стены и потолок каменоломни были не только не закопчённые, – они были сравнительно свежими. И пыль под ногами отливала желтоватой белизной не так уж и давно вылетевшей из-под камнерезной пилы тырсы, перетёртой в эту самую пыль, похоже, вон теми бревенчатыми катками, сейчас бездельно лежащими вдоль пути у стен. Ещё не так давно эти катки, по всей видимости, использовались для перемещения из штольни выпиленных каменных монолитов, ещё не до конца сединой старения дерева взялись выщерблены и засеки на этих брёвнах. Ну, как недавно... не более сотни лет... но не тех веков, за время которых каменоломни успели и влагой напитаться, и пропахнуть живностью – как бегающей, так и летучей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.